

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ РУССКОЙ ПОЭЗИИ МОРДОВИИ

(на материале творчества Виктора Мишкина)

С. П. ГУДКОВА,

*доктор филологических наук,
профессор кафедры русской и зарубежной литературы
ФГБОУ ВПО «МГУ им. Н. П. Огарёва»
(г. Саранск, РФ)*

Сегодня, на рубеже XX–XXI вв., наблюдается тенденция к усилению исследовательского внимания к особенностям развития литературы в национальных регионах. Объектом теоретического осмысления все чаще становятся вопросы как жанровой специфики, так и отдельных образов и мотивов в структуре художественных текстов, позволяющих не только выявить художественное своеобразие творчества отдельного писателя или особенности развития определенного историко-литературного периода, но и наметить основные пути развития литературы в национальном регионе в целом. Заметим, что в последнее время в науке о литературе высказываются мысли о необходимости создания «теоретической истории» литературы: «Раскрыть закономерности литературного процесса, которые обозначались бы терминами даже в имеющемся несовершенном и неполном наборе, несравненно труднее. У нас нет даже “частичных” теоретических историй» [2, 7]. Недостатки существующей ситуации кроются в отсутствии системного изучения «всемирной литературы как гипертекста», одной из составляющих которой является особенность развития национальной литературы регионов [6].

На наш взгляд, сегодня действительно назрела необходимость изучения литературных процессов, происходящих в регионах, и творчества авторов регионального уровня, которые, не претендуя на общероссийский масштаб, опосредованно вносят определенный вклад в российскую словесность. Изучение развития русской литературы в национальных регионах, где значи-

тельный пласт художественной активности связан с коренными национальными типами и формами бытия, – одна из тех «частных» литературоведческих проблем, без решения которых невозможно скольконибудь объективное представление обо всем историко-литературном процессе того или иного региона и – шире – обо всей общенациональной культуре. На этом основании мы считаем правомерным говорить и об общих культурных процессах, происходящих внутри отдельно взятого региона и – уже – национальной общности, но представляющих огромный интерес для историко-литературного процесса в целом.

В контексте поставленной проблемы особого разговора заслуживает русская поэзия Мордовии. Сегодня она представлена многообразием жанров, богатством художественных стилей, авторских индивидуальностей. В ней происходит интенсивный процесс обновления традиционных жанровых форм, межнациональный диалог художественных традиций. Современное состояние русской поэзии Мордовии настолько отличается от уровня, достигнутого в предшествующий период, что можно с известным основанием говорить о качественно новом этапе ее развития. Он характеризуется новой идейно-эстетической ориентацией, связанной с такими тенденциями в становлении, как усиление личностного начала, расширение сферы лирического выражения, внутренних границ поэзии, тяга к философичности, поиск новых экспериментальных форм и способов выражения.

Современная русская поэзия Мордовии интересна прежде всего тем, что, с одной

стороны, она развивается в русле общих тенденций отечественной поэзии, а с другой – ориентируется на национальную культуру мордовского народа. В творчестве поэтов Мордовии, особенно старшего поколения (Б. Соколова, Э. Симдяновой, В. Юшкина, А. Терентьева, В. Егорова, В. Гадаева, В. Юдиной и др.), очевидно обращение к мордовским мотивам: введение образов исторических личностей, традиций, культуры, быта, лексики мордвы. Доказательным является тот факт, что многочисленные и разноплановые следы мордовского влияния выступают в их творчестве не случайными экзотическими вкраплениями, а целостной системой приемов, направленных на обеспечение органичного существования в русской событийно-языковой художественной стихии национального, мордовского героя [1].

Русские поэты Мордовии, расцвет творчества которых пришелся на рубеж XX–XXI вв. (А. Громыхин, Н. Васильев, К. Смородин, А. Смородина, Н. Рузанкина, С. Сеничев, С. Казнов, В. Мишкин, П. Громов и др.), большое внимание обращают не только на особенности внутренних переживаний лирического героя, но и на архитектуру поэтического текста. Им интересны разного рода поэтические эксперименты, литературная игра, диалог с классическим наследием, художественный синтез жанровых форм, визуализация стиха.

Особого разговора, на наш взгляд, заслуживает творчество Виктора Мишкина, незаслуженно забытого сегодняшним читателем и литературной критикой. Поэт еще в 1990-е гг. с горькой иронией мечтал о встрече с широким читательским кругом:

Что? Зря писал? Трудился без причин?
Издайте ж после смерти Вы меня.
И я припруся в книжный магазин,
истлевшей костью радостно гремя!

(Из цикла «Звезда Агдам») [4, 172].

Судьба Виктора Мишкина трагична. Он умер 25 декабря 2010 г. в возрасте сорока лет. Следует отметить, что при жизни поэта (за несколько месяцев до смерти) вышел его единственный небольшой поэтический сборник «Зимнее время» (2010). Некоторые его стихи были опубликованы в сборниках

«Серебряная нить», «Майская песня», а также в журналах «Странник», «Столичная тема» и в газете «Столица С», сотрудником которой и являлся В. Мишкин.

Трудным был путь поэта к читателю. Выпускник филологического факультета Мордовского государственного университета, журналист, лауреат премии имени А. Н. Терентьева, писатель, тонко чувствующий «пульс слова», к сожалению, не был на хорошем счету у издателей. Только поддержка верных друзей, небольшого круга поклонников давала надежду на жизнь и полет поэтического слова. Однако самые нужные и главные слова ему были сказаны слишком поздно. В небольшом вступительном слове на сайте поэта Сергей Пронин констатирует: «За блестящим юмором скрывалась полная неустроенность в окружающем мире. Прочитайте стихи, и когда вас отпустит, многое станет понятно... Насколько он был далек от всей этой суеты коллег-журналистов, высоты редакторских табуреток, планов, денег, склок, сплетен. Как смешна и горька его невстраиваемость в эти жизненные тумбочки, полные абсурда. Виктор смотрел на это и совершенно точно удивлялся, как это его занесло в такой мир. И уж точно – не он сам был странный. Он, напротив, был и есть самый обычный человек, большой и светлый. Настоящий» [5].

Тонкий поэтический дар Виктора Мишкина был отмечен Александром Бажановым и Стасом Нестерюком, которые в предисловии к сборнику «Зимнее время» обратили внимание на то, что, «читая или слушая его стихи, совершенно не тратишь время на осмысление, они проникают в душу сами, без напряжения. А после уже заставляют задуматься, заглянуть в себя, а порой – и посмеяться над собственной близорукостью. Посмеяться весело, иногда с легкой грустью, с любовью к тем, кто тебя окружает. А за внешней легкостью строки разглядеть глубину, достойную мысли философа. И в любом случае – насладиться настоящей поэзией» [цит. по: 3, 3–4].

Согласимся с тем, что простота, ясность, открытость авторского голоса и одновременно глубокая философичность дей-

ствительно отличают стихи В. Мишкина. Сложная эпоха конца XX в., эпоха ломки многих культурно-нравственных ценностей, изменения социально-политических ориентиров, нашла глубокий отклик в душе поэта:

Что-то сжимает горло и уже не уснуть.
Но можно смотреть на изгибы звездного сада.
Куда мы выйдем, если встанем

на Млечный Путь?

Куда бы то ни было – мне никуда не надо.

Но можно представить, что видишь,

как летит в тишине

чистый и светлый ангел с глазами куклы.

Прости меня... Прости... Я вырос в стране,

где слово Бог писали с маленькой буквы.

(«Камни») [4, 89]

Опираясь на архивные материалы, мы можем сделать вывод о том, что В. Мишкин тяготел к крупным жанровым формам: поэме, лирическому циклу, книге стихов. Многочисленные отдельные лирические стихи он старался группировать в циклы, некие поэтические дневники, где главным действующим лицом выступает герой, максимально приближенный к личности самого поэта. Данный принцип мы можем наблюдать уже в его ранних опытах. Цикл «Упражнения», датированный 1991 г., ярко демонстрирует основные черты поэтического стиля автора.

Лирический герой В. Мишкина постоянно находится в поисках ответа на многие философские вопросы: о смысле жизни, значимости простых человеческих ценностей, сложности рубежной эпохи. Герой его лирики одинок, он резко противопоставлен окружающей действительности. Отсюда отчужденность, порой озлобленность на мешанское счастье и уют простых обывателей, слепо живущих в комфорте своих квартир:

... Вселенная вся только
Строка моего гимна!
Я делал все непохоже.
Удары чувствовал кожей.
Никто же меня не понял.
И я вас не понял тоже.

(«Упражнения») [4, 28]

Именно поэтому герой часто рефлексивен, смотрит на себя со стороны, ему важно понять сложность собственного внутреннего «Я»:

Все вокруг закрыты двери.
Остается мне одно.
Самому себе лишь верить,
Уходить в себя – на дно.
Быть открытым, точно ценник,
Не по мне. Я так устал.
Я ведь сам себе священник.
Я ведь сам себе вокзал.

(«Упражнения») [4, 30–31]

Если в «Упражнениях» чувствуются лишь несмелые попытки осмысления собственного внутреннего мира, то в дальнейшем мы видим расширение горизонта поиска ответов на вопросы: кто я?, зачем я живу? В решении данной проблемы автор опирается на собственную филологическую базу. Он активно вводит реминисценции, аллюзии. Ему становится близкой поэзия античных авторов, М. Лермонтова, В. Маяковского, О. Мандельштама, И. Бродского и др. Узнаваемые строки поэтов-классиков, их образы и мотивы помогают оттенить собственную судьбу. Часто в лирике В. Мишкина появляется образ странника, ищущего приюта и уединения. Во многом созвучна авторской судьбе судьба героев древнегреческой мифологии – Одиссея, Ясона:

...Ах, Одиссей, мы с тобою чем-то похожи.
Сюжет господином Гомером завязан прочно.
Ведь многие из нас и сегодня скитаются тоже,
и если не по свету, то внутри себя – это точно.
Какою мазью можно смазать души ожоги?
Кому что докажешь, горячась и с судьбою споря?
Как будто бумажку на ниточке,

заскучавшие боги
таскают Одиссея по островам Эгейского моря.

(«Тетрадь») [4, 102]

С темой странничества тесно связан и образ дороги. Ощущение себя как «пассажира с просроченным лицом», ищущего дорогу в мировом хаосе, красной нитью проходит через многие стихи В. Мишкина. Заметим, что отличительной чертой его поэтики становится тяготение к необычному эпитету, развернутой метафоре, ассонансной и неравносложной рифмам.

Новаторский ритмический поиск стиха В. Мишкина во многом напоминает ритмико-интонационный рисунок ранней поэзии В. Маяковского. Роднит их и интерпретация темы поэта и поэзии. Современ-

менный поэт также призван бороться со всем, что прочно вошло в быт и сознание человека, он должен открыть людям глаза, показать им прекрасное. Герой противопоставляет себя всем окружающим. Как любовью человек, который привносит новое, он обречен на непонимание. Поэтическое «Я» противопоставлено тем, кто никогда не поймет поэта и навсегда останется в плену пошлости жизни, кто никогда не увидит «на блюде студня» «косые скулы океана», для кого водосточные трубы не запоют подобно флейте. Вступая в поэтический диалог с поэтом-классиком, В. Мишкин подчеркивает уникальность и необычность судьбы творческой личности:

Мечтою сумрачною бредя,
нетрудно проскочить развилку.
А вы ходили на медведя
с серебряной столовой вилкой?
Легко бродить вокруг да рядом.
Легко кричать, что все прекрасно.
А вы луну взрывали взглядом?
А красили вы небо красным?
Легко увидеть в снах тревожных
Цветные призрачные страны.
А вы бросали навзничь ножны?
Вы опресняли океаны?
Пусть скажут те, кто делал это.
У нас получится бездарней.
Вот ВЫ питались звездным светом?
Одни сражались против армий?

(«Упражнения») [4, 24–25]

Тема поэта и поэзии, одиночества творческой личности, ее уникальности становится одной из главных тем лирики В. Мишкина. В ее решении автор придерживается традиционных подходов: поэзия – это титанический труд художника-творца, одаренного божественным даром:

Поэзия – это когда встать на голову
И лизнуть языком шершавым читателя.

(«Упражнения») [4, 39]

Однако стоит заметить, что если в раннем творчестве В. Мишкина образ поэта, ориентированный на классический образец, несколько эпатирует читателя величиной своего эго:

Я развязываю шнурки, как войны!
Я, как балы, даю советы.
Я – последний патрон обоймы.
Запишите меня в поэты!

Обещаю вам, что я справлюсь.

<...>

Я с трудом помещаюсь в лифты.

Кожу сбрасывал я, как змеи.

Чай заваривал, точно смуты.

И мои стихи не в хореи –

В сорок пятый размер обуви» [4, 32], –

то в более поздних стихах появляется образ трагического поэта, отчаявшегося, уставшего сопротивляться невзгодам жизни, противостоять жестокости и бесчеловечности века, постоянно ищущего «истину в вине». Но все же обострившийся драматический конфликт поэта с обществом не заслоняет главной цели поэтического творчества – соприкосновения с прекрасным:

В небе синем грохочет гром.

Через скверы, мосты, сады

Астроном идет в гастроном,

чтоб отметить открытие звезды.

Все, что было, выпив до дна

и отрезав хлеба сто грамм,

астроном напьется вина

и звезду назовет – «Агдам».

Все на радость, все на беду.

Каждый строит собственный путь.

Каждый должен открыть звезду.

И назвать ее как-нибудь».

(«Звезда Агдам») [4, 159]

Поиск и «открытие звезды» – это и есть смысл жизни настоящего поэта. В этом вновь слышится переключка с классиком русской литературы: «Ведь, если звезды зажигают – / значит – это кому-нибудь нужно?». И сама жизнь В. Мишкина напоминает образ ярко вспыхнувшей, но быстро потухшей звезды. Он очень остро реагировал на «болезни века», близко воспринимал боль и страдания «униженного и оскорбленного человека», не вписывающегося в парадигму «нового века». Отсюда частое появление характерных эпитетов: «страшный век», «бурный век», «усталый век», «тупой конец света». Поэт ставит точный диагноз эпохе («На Земле эпидемия супергриппа»), в которой утрачены многие простые человеческие ценности, забыты христианские заповеди, пытается разобраться в причинах появления болезней. Для этого он обращается к прошлому, нашей истории, где человечество зарекомендовало себя не с лучшей стороны:

... Мы никогда не бывали спокойны.
 Делились на множество стран.
 Мы затевали ужасные войны.
 Мы знали слово «тиран».
 Мы были жестоки. Наша кровь была красной.
 Мешали друг другу жить.
 Наши женщины были прекрасны.
 Мы умели любить.
 Мы придумали классные вещи:
 баян, телефон, кино,
 футбол, преферанс, молоток и клещи,
 алфавит, сухое вино.
 Мы смысл искали, но смысла не видно.
 Мы жили с верой и без.
 Из миллионов распятых безвинно
 лишь только один воскрес.
 Мы ночью любили смотреть на звезды.
 Мы знали святость и грех.
 И были солеными наши слезы.
 Звучал приятно наш смех.
 И пусть мы жили на звездной опушке,
 но мы искали свой путь...

(«Тетрадь») [4, 93–94]

Поэт не отделяет себя от мира, а, напротив, вписывает свою жизнь в судьбу страны, более других осознает ответственность за происходящее. Этим объясняется желание переписать историю, снизить долю страданий, исправить допущенные ошибки. Но в любом случае, мечтая о подвигах Ясона, автор осознает себя в роли «песчинки» в мировом пространстве, отсюда и самоирония в репрезентации как собственной личности, так и значимости в истории:

Мне бы хотелось быть владельцем машины
 времени, чтобы страдали меньше
 <...>
 Я проникал бы везде и всюду.
 Где сунув деньги, где сняв охрану.
 Я бы, поймав, пристыдил Иуду.
 Подослал Сусанина к Батый-хану.
 Рати повывел бы с ратного поля.
 Неграм свободу дал раньше веком.
 Я не отдал бы – то божья воля! –
 Москву французам, а Трои грекам.
 Я бы Толстому помог на пашне.
 Варварам в Риме вдолбил суть прогресса.
 Обучал эсперанто у Вавилонской башни.
 Перед дуэлью напоил Дантеса.
 Я запретил бы мамонтов трогать.
 В костер инквизиции я ловко подсуну
 (дрова отсыреют, дыма будет много)
 Гитлера вместо Джордано Бруно.
 Так что история пойдет по рельсам.

(«Тетрадь») [4, 96]

Горьким юмором, самоиронией проникнуты многие стихи В. Мишкина. Однако создание поэтического карнавала – это всего лишь иллюзия оптимизма, маска, за которой хотел бы скрыться уставший поэт. На смену образу «поэта-гиганта», способного переписать мировую историю, приходит образ отчаявшегося поэта:

В слове «творчество» спрятано «вор» – автор ворует у Бога опилки.

Мир свой построить он все же не смог.

Как ни работал – в поту весь и в мыле.

Автор на свете один только – Бог.

И плагиаторы все остальные.

(«Тетрадь») [4, 99]

Основной корпус стихов В. Мишкина – это философский диспут с самим собой, с миром, с которым он находится в постоянном конфликте. Депрессивное настроение героя наиболее отчетливо проявляется в поэтическом цикле «Камни», смысловым центром которого является стихотворение с одноименным названием. Человеческая жизнь бессмысленно промелькнет, подобно беззвучному погружению камня в воду. Творения автора не доходят до читателя, нет открытого диалога с ним. Это обстоятельство все острее и острее переживается поэтом. Все чаще собственную жизнь и творчество он осознает как бессмысленные:

Ты не суйся в свободу, не зная броду.

Продырявлен невод и оборвана леска.

Я бросаю камни в мутную воду,
 и они уходят на дно без всплеска.

И уходят камни беззвучной тенью.

<...>

Я шлифую камни, отлично зная,
 что моя работа потонет в иле.

(«Камни») [4, 67–68]

Тема усталости, «лишнего человека» («Стану опять я чем-то лишним. / Пятой ногой кокера-спаниеля»), оказавшегося на обочине жизни, находит яркое воплощение и в жанре поэмы. Особый интерес, на наш взгляд, вызывают две поэмы – «Щеколда» (1992) и «С подругой в споре? Memento more!» (1995). Первая представляет собой некий синтез экзистенциализма и символизма. Мир, где живет обычный человек, Семен Васильев, находится на грани исчезновения. От апокалипсиса, которого герой не замечает, он отгорожен крепким щитом – дверью,

закрытой на засов, щеколду. Весть о конце света приносят Семену гости. Каждый из трех гостей излагает свое видение причин разрушения мира, пока всех не поглощает некая темная сила, мрак, разрушающий крепость дверного засова. Однако Ночь «не казнит» хозяина квартиры («Ты нравишься мне – душою силен»), а наоборот, хочет помочь. Однако Семен Васильев, подобно сказочному Ивану-дурачку, отказывается от всего бытийного:

Есть у меня хлеб и вино.
Вода есть в кранах, в розетках – ток.
Ветер воздух несет в окно.
Ничего мне не нужно – ведь я одинок.

[4, 318]

Ночь предлагает избавить героя от одиночества. Подобно Богу, она готова из щеколды, «половины ребра» и «свежего ветра» сотворить ему жену. Используя такие изобразительно-выразительные средства, как образы-символы, аллегория, ирония, автор воссоздает трагико-комический фарс с элементами мистерии, где за яркой бутафорией скрывается образ автора, примерившего на себя различные маски: героя-обывателя, рассказчика-повествователя, трагического поэта, критика и философа.

Вторая поэма усиливает звучание темы одиночества. Она написана в совершенно противоположном стиле. Здесь автор отказывается от бутафорских красок, самоиронии, пародирования, коллажа. Каждая строчка – это взрыв эмоций, глубокой боли, идущих из самого сердца поэта. Она передает состояние человека, стоящего на краю пропасти. Передаче бешеного ритма эмоций способствуют и сама форма стиха: чередование дольника и тактовика; использование особого синтаксиса:

Покосившийся бюст.
Каждому припасена
горсть темноты да плюс
кладбища тишина.
Ржавый крест и звезда.
Жаль. Печально. Увы.
Щебетанье дрозда.
Шорох желтой травы.
Это символ нуля.
Вот трава, а под ней
мать сырая земля
ест своих сыновей.

[4, 321–322]

Следует отметить, что в стихах В. Мишкина постоянно присутствуют мотив смерти, ощущение ее прихода. В данной поэме уже само заглавие («Memento mori!») является своеобразным лозунгом. Общий трагический пафос стихов усиливается и мотивом потери любви – символа жизни и счастья. Все чаще «прекрасная страна любви» становится только недостижимой мечтой, что также привносит драматические аккорды в звучание мишкинского стиха:

Страх. Одиночество. Нет воды в кране.
Усталость. Долги. Любовь и измены.
Тогда вот хочется утром ранним
вместо щек побрить себе вены.

[4, 325]

Лирический герой В. Мишкина постоянно находится в поисках ответа на многие философские вопросы: о смысле жизни, значимости простых человеческих ценностей, сложности рубежной эпохи. Герой его лирики одинок, он резко противопоставлен окружающей действительности.

Поэт словно чувствует скорое приближение смерти, он часто заглядывает по «ту сторону жизни». Смерть имеет для него ценность только в одном случае, если «был бы мой стих ТАМ кому-то дорог. / Писал бы ветром на бумаге дождя» [4, 328]. Писать до последнего вздоха, открывать красоту и необычность в повседневной жизни, находить понимание в любящих глазах – вот главная мечта поэта:

Облака в окне. Облака.
Я как будто проверил пульс – жив пока.
Я хотел бы так в мире быть –
Тихим облаком в небе плыть.
И когда загрущу о своем,
Проливаться теплым дождем.
Я не знаю, что будет ТАМ,
Но когда по твоим щекам
Потекут капли дождя –
Это вновь я ласкаю тебя...

[4, 262]

Синтез грусти, печали, юмора, самоиронии отличает стихи В. Мишкина, многие из которых напоминают «музыку

дождя». Музыкальная стихия наполняет его поэзию. И это не случайно. В. Мишкин был увлечен ею, сам писал музыку к своим стихам, исполнял свои песни. В Интернете благодаря стараниям его друзей собраны записи многих песен. Тихий и душевный голос передает всю палитру красок внутреннего мира автора-песенника. Тексты песен В. Мишкина можно представить отдельным жанровым циклом. Их общая тональность созвучна темам и мотивам лирики поэта. Наибольшее звучание в них получает урбанистическая тема. Атмосфера душевного города загоняет героя «в бетонную клетку», из которой он не видит выхода. Мотив грусти и одиночества подчеркивается и частым введением образа осени как символа печали и увядания чувств («Окаянный дождь», «Осень некстати», «Черная тоска», «Осень», «Скучен!» и др.).

Однако при всей драматической тональности стихов В. Мишкина его поэзия находит отклик в душе читателя: волнует, подталкивает к размышлениям, порой заставляет посмеяться над несовершенством мира и над самим собой. В свое время Генрих Гейне справедливо заметил, что, «если трещина будет в мире, она пройдет по сердцу человека». Действительно, только эмоционально ранимый человек, тонко чувствующий пульс жизни, способен к творчеству. Только человек, остро переживающий беды и горести другого, чувствующий боль другого как собственную, может стать настоящим поэтом, каким и был В. Мишкин:

Когда я умру – не плачь.
Вечернюю зарю
(что красит небо в кумач)
На память вам подарю.
Ты посмотри на нее,
Ты посмотри в небеса.
Безумен, кто слезы льет.
Напрасна твоя слеза.
И плакать, конечно, зря.
И зря перечить судьбе.
Когда в небесах заря –
То я улыбаюсь тебе...

[4, 262]

Несмотря на многообразие палитры красок лирики В. Мишкина, все же центральное место в ней занимает грустная тональность, связанная в первую очередь с философским осмыслением жизни и творческой личности в современном мире. Его философская лирика созвучна стихам многих современных поэтов как Мордовии, так и России. Мотив одиночества, утраты смысла жизни, связанный с потерей любимой; отсутствие надежды на понимание окружающих, ощущение близости конца собственной жизни во многом сближают поэзию В. Мишкина со стихами С. Кознова, Г. Русакова, В. Кривулина, С. Кековой и др. Поэтические эксперименты автора – тяготение к диалогу с русской классической поэзией, использование многочисленных аллюзий и реминисценций – позволяют говорить об общих тенденциях развития не только русской поэзии Мордовии, но и современного поэтического процесса в целом.

Поступила 13.01.2014

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гудкова, С. П. Региональный регистр русской литературы как объект регионоведческого исследования (на материале русской поэзии Мордовии последних десятилетий) // Регионоведение. – 2007. – № 2. – С. 336–345.
2. Кормилов, С. И. О современном состоянии русского литературоведения (Теория литературы, история отечественной литературы конца XIX – начала XXI века) // Русская литература XX–XXI веков : проблемы теории и методологии изучения : материалы Второй Междунар. науч. конф. : 16–17 нояб. 2006 г. – М., 2006. – С. 3–9.
3. Мишкин, В. Зимнее время : стихи / В. Мишкин. – Саранск : Тип. «Крас. Окт.», 2010. – 64 с.
4. Мишкин, В. Полное собрание стихотворений, поэм и песен / В. Мишкин ; сост. П. Громов, Е. Червенкова. – Саранск, 2014. – 503 с. – (Рукоп.).
5. Пронин, С. 25 декабря 2010-го года ушел из жизни мой любимый поэт и близкий человек Виктор Мишкин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.prodesign.ru/victor_mishkin.
6. Чашина, Л. Г. Русская литература Горного Алтая : Эволюция. Тенденции. Пути интерпретации : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Л. Г. Чашина. – Томск, 2004. – 34 с.